

The book cover features a dark blue background with a complex, abstract pattern of white, orange, and blue wavy lines that resemble a topographic map or a stylized landscape. In the upper left, a large, curved orange shape is connected by thin white lines to a small silhouette of a person standing on a small orange patch in the lower right. The overall composition is dynamic and layered.

Лауреат Международной
литературной премии им. Н. В. Гоголя

Игорь Куберский

ПОЛЫНЯ

Издательство
«Геликон Плюс»

Игорь Куберский

Полынья

«Геликон Плюс»

2018

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Куберский И. Ю.

Польня / И. Ю. Куберский — «Геликон Плюс», 2018

ISBN 978-5-00098-176-4

Новый роман известного петербургского писателя Игоря Куберского не только остросюжетен и читается на одном дыхании, но и многопланов. Герою приходится бороться за выживание: он попал в польню, и память начинает работать в особом режиме. Герой вспоминает свою жизнь, думает о любви и смерти. Чем закончится схватка со стихией, хватит ли сил у человека, помогут ли ему воспоминания, или напротив, утянут на дно...

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-176-4

© Куберский И. Ю., 2018
© Геликон Плюс, 2018

Игорь Куберский

Польня

Издание выпущено при финансовой поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга

Издание Санкт-Петербургской общественной организации «Союз писателей Санкт-Петербурга»

© Куберский И., текст, 2018.

© «Геликон Плюс», макет, 2018.

* * *

Я польня, польня я.

Забавно, сколько приходится тратить времени, чтобы не принимать это близко к сердцу.

23 марта 2012 года, 13 часов 10 минут

Дочь довезла Алексея до залива.

– Все, спасибо! Дальше я сам, – сказал Алексей, доставая из внедорожника рюкзак с нахлобученным сверху горнолыжным шлемом.

– Когда за тобой заехать? – спросила дочь.

– Не знаю, хочу накататься вдосталь, пока ветер, – сказал Алексей, жадно вглядываясь в небо над заливом, где уже плавали дуги кайтов. – Позвоню...

– Только прошу – поосторожней, – сказала дочь.

– Ну, в семьдесят поневоле осторожничаешь, – сказал Алексей.

– Только не говори мне про свои семьдесят. Человеку столько, на сколько он себя чувствует.

– Сейчас чувствую себя на сорок.

– Короче, мой ровесник... – улыбнулась дочь.

Ветер был серьезный, но не убийственный, как в прошлый раз. Тогда дуло так, что по заливу шла жесткая поземка, снежные холмики превратились в когтистые лапы неведомых зверей... и ни одного кайтиста, кроме него, психа. Алексей продержался всего минуту: страшная скорость и единственное желание – прекратить этот мазохизм. В результате он не удержал кайт, наехал на стропы и разрезал одну кантом правой лыжи – на том все, к счастью, и кончилось. Ну а теперь солнце... и ветер, хоть и резв, но вполне комфортен.

Распаковался быстро, и ноги довольно легко влезли в горнолыжные ботинки, еще не задуবেвшие на холоде. Трапеция – типа спасательного пояса с лямками, перехватывающими бедра, и ремнями – надета и плотно пригнана. Молнии на куртке и карманах брюк застегнуты. Развернутое полотнище кайта лежит на снегу – от него до Алексея двадцать пять метров строп. Осталось только, взявшись за ручки, потянуть на себя. Всегда волнующий момент...

Он жил один, но теперь не реже двух раз в неделю к нему заезжала дочь с обязательной кастрюлькой чего-нибудь ею приготовленного, а летом отвозила его на свою дачу, где он проводил неделю-другую с двумя внуками. Это называлось «дать девочкам отдохнуть от родительского надзора» – дать им расслабиться рядом с дедом, ничего не запрещающим и ведущим

себя с ними на равных. Дочь считала, что он в душе тоже ребенок – наивный, доверчивый, простодушно-трогательный и порой беспомощный даже в простых житейских коллизиях; за ним самим нужно было присматривать. И тем не менее она абсолютно доверяла ему своих детей. Ее приветливо-молчаливый, вечно занятый прагматичный супруг благоразумно держался той же линии.

Жена Алексея, мать его единственной дочери, умерла девять лет назад от рака желудка, и когда поставили диагноз, было уже слишком поздно – метастазы пошли по всему организму. Дочь, поначалу ничего не зная об этом несчастье, вместе с мужем обживала новую страну, новую территорию под названием Англия, где в одну из тамошних фирм более чем удачно вписался ее муж, айтишник, человек мозговитый и целеустремленный. Алексей ничего и не сообщал ей, решив, что благополучие дочери и ее успешного мужа важнее и что он попытается обойтись своими силами. Когда же врачи сказали, что надежды нет и жить его жене осталось максимум полгода, он кинулся искать спасения у нетрадиционной медицины.

В одном из издательств, с которым он сотрудничал, как раз в это время ему дали на корректуру книгу местного экстрасенса, описывавшего случаи излечения пациентов от рака в последней, четвертой стадии. Он решил, что это знак свыше. У экстрасенса был телефон, что само по себе было чудом, ибо Алексей знал, что зачастую целительные книги пишут для издательств так называемые копипастеры, надергивающие информацию из разных, подчас весьма сомнительных источников. А тут подлинный автор-целитель. С трепетом в душе и надеждой, что чудеса случаются именно тогда, когда оказываешься бессильным перед приговором тупой реальности, он позвонил. Будь он верующим, возможно, вместо этого отправился бы в церковь и истово молился бы... Но прибегать в данном случае к вере, прожив всю предыдущую жизнь атеистом, он считал профанацией. Ведь вера – она или есть, или ее нет. Откуда в нем взяться вере? Да и не верил он в бога-целителя, глядя вокруг себя и назад – в историю человечества, вопрошая: можно ли возложить ответственность за все страдания человека и человечества на Бога или последний превыше этого?

Фамилия у экстрасенса была соответствующая – Темных, Геннадий Трофимович. Пояснив, что как корректор он в настоящий момент читает книгу уважаемого целителя, Алексей рассказал про жену, про отказ врачей заниматься ею, держать в больнице, ибо для них отчетность по низкой смертности важнее человеческих страданий, почему его жена и лежит дома и он сам делает ей обезболивающие уколы, а затем попросил Геннадия Трофимовича приехать и осмотреть жену – есть ли хоть какая-то надежда? Темных ответил, что приезжать ему не обязательно, что он лечит на расстоянии и что ему достаточно знать дату рождения, а также фамилию, имя и отчество пациентки, в данном случае – ее девичью фамилию... как будто он уже знал, что она ее меняла. На прощание Алексей услышал, что плата за труд будет взиматься только по исцелению пациентки, и это окончательно убедило его в том, что экстрасенс никакой не шулер, а серьезный и ответственный человек, действительно кого-то уже вылечивший.

Спустя два дня Темных, опять же по телефону, в терминах, довольно близких к записи в медицинской карте жены Алексея, описал состояние ее внутренних органов и сказал, что он берется за этот случай, что это его специализация – излечение безнадежных больных. Еще он в ответ на благодарную реплику Алексея, не смогшего удержать нахлынувших чувств, сказал, что, пока даже смертельно больной человек жив, надо бороться.

Тут Алексей, уже прочитавший книгу экстрасенса и мало что в ней понявший, в чем, естественно, не мог признаться, спросил:

– И все-таки как вы это делаете? Простите, я следил в вашей будущей книге за орфографией и пунктуацией, а в таких случаях не вполне проникаешься смыслом. Ведь даже чудо – а то, что вы делаете, является, несомненно, чудом – должно иметь под собой какой-то физический или, если хотите, физико-химический процесс, может быть, воздействие каких-то там

нейтрино, которые, как известно, во всех направлениях пронзают пространство Вселенной и свободно проходят как сквозь твердое тело, так и сквозь космические пустоты.

– Пустот нет, – ответил на это Темных. – То, что мы считаем пустотой, заполнено темной материей, которую наши приборы не в состоянии зафиксировать. По сути это то самое антивещество, без которого не возникло бы само вещество. Они находятся в скрытом от нас взаимодействии, порождая жизнь, рост, изменения, движение всего вокруг. Грубо говоря, это как плюс и минус в электрической цепи, порождающие энергию. Мы ведь уже больше ста лет активно пользуемся электричеством, но так и не понимаем его природы.

– И это как-то соотносится с вашей целительной практикой? – спросил Алексей.

– Самым непосредственным образом, – был ответ. – Теория энтропии материи неверна. Жизнь не умирает, материя вечна, каждый ее гибнущий кластер заменяется точно таким же кластером антиматерии. Они находятся в состоянии колебания. Верхние точки синусоиды – это материя, нижние – антиматерия... Когда у пациента остается только минус, я подключаю плюс...

– Красиво... – искренне восхитился Алексей, будто ему открылась какая-то новая истина. – Но как вы сами пришли к тому, что участвуете, как вы пишете в книге, в замещении умирающего живым?

– Для этого нужен выход в ноосферу, – ответил Темных. – Первым ее описал Вернадский. По сути, каждый человек заряжен всеми энерговозможностями Вселенной. И при известных обстоятельствах, чаще всего экстремальных, он их в себе может открыть и развить. Имеются для этого и древние практики, но только единицам хватает терпения пройти этот путь. А вообще-то сверхспособности человека – это и есть его подлинное начало. Вы ведь, наверное, знаете, что человек в жизни задействует только четыре процента нейронных связей своего мозга. Скажем так: человек еще до себя не дорос.

13 часов 46 минут

Над заливом в чистом небе плавали – Алексей подсчитал – семь кайтов. Он – восьмой. В проушины шлема нетерпеливо посвистывал ветерок, и чтобы кайт не взмыл сам по себе, пришлось нижний его край присыпать снегом. Но вот – пора! Алексей потянул за стропы, кайт приподнялся, наполнился, как парус, Алексей еще потянул – кайт отряхнулся от снега, взлетел и повлек за собой мощью в лошадиную силу, а то и в две...

Северный или южный ветер – здесь это лучший вариант. Это значит – ты несешься перпендикулярно берегу Финского залива от Морской набережной вдаль, а потом, развернувшись, летишь обратно. Очень удобно. Тогда как, например, восточный ветер (со стороны города) может отжать тебя далеко от берега, и попробуй потом, хоть галсами, вернуться. А нынче условия идеальные. Наст сантиметра на три присыпан свежеснеженным снегом, Алексей мчится на два маяка вдали, обозначающие фарватер для судов, идущих в пору навигации из города на Кронштадт и Петергоф и обратно.

До маяков было километра четыре, но ветер дул ровно, лыжи хорошо скользили. Фиолетовый, с красным правым ушком купол кайта плыл, заслоняя солнце, тень мчалась чуть позади, справа, а когда Алексей приспускал купол, солнце резко ударяло по глазам и все вокруг было ярким, белым, ослепительным и, пожалуй, прекрасным. Органный стон ветра в стропях, под лыжами то шуршание наста, то гул наледи, то шипение тормозящих снежных наносов...

Вскоре Алексей был уже у финиша.

Во время следующего телефонного разговора Темных рассказал и вовсе удивительную вещь. Оказалось, что он, танкист, полковник запаса, пришел к целительству в результате личной семейной трагедии – у его старшей дочери обнаружили рак поджелудочной железы и он,

вместе с ней пройдя кругами отчаяния по врачам и клиникам, обратился к оккультизму и спас ее.

Еще он сказал, что только начинает осознавать механизм целительства – выходит в астрал, или ноосферу, и оттуда получает ответ, как действовать.

– Да, что-то про ноосферу или антропосферу я еще в молодости читал, – сказал Алексей. – Что всё, что было на земле с человечеством, все идеи, все дела каким-то образом записываются на какой-то носитель. Кто-то принимает это за бога, кто-то за информационное или энергетическое поле. Но оно нейтрально. И если это бог, то он тоже нейтрален, то есть вне наших корыстных обращений к нему.

– Не думаю, – возразил Темных. – Ноосфера обладает позитивной энергией, она постоянно структурируется, иначе не сформировалась бы. И она интерактивна. Кстати, там содержится, копится и выдается не только то, что было, но и то, что будет. В частности – что будет со мной и вами. Такое поле – это оболочка или кольцо. И любые два его сопричастных сегмента представляют собой прошлое и будущее, на стыке которых прослойка настоящего. Понимаете?

Насчет механизма своего воздействия Темных объяснил, что сосредоточивается мыслью на повышении иммунитета пациента, то есть на позвоночнике, где происходит основное кроветворение, на кровотоке и составе крови, на оптимальном количестве лимфоцитов, которые противостоят раковым клеткам. Эти клетки есть у каждого из нас. Мы, сами того не ведая, пока живем, несколько раз заболеваем раком и излечиваемся, благодаря здоровому иммунитету. Рак начинает развиваться, когда иммунитет слабеет. А сосредоточенной мыслью, имеющей в своей природе электромагнитные колебания, можно действовать на любом расстоянии. Мыслью человек может и сам себя излечить от рака, только этому нужно учиться.

Под конец Алексей, воодушевленный разговором, спросил о самом главном:

– Так значит, моя жена будет жить?

– Думаю, что да, – ответил Темных.

– Ты будешь жить! – наклонился он над женой, к тому времени страшно исхудавшей и едва передвигавшейся самостоятельно, так что он на руках носил ее в туалет и ванную. Жена закрыла глаза в знак того, что он услышан – говорила она с трудом, – но когда снова открыла их, по выражению ее лица нельзя было определить, осознала ли она смысл его слов, – она теперь жила от укола до укола, на несколько часов уносивших ее боль, остальное ей было неважно. Он же действительно поверил в сказанное. Ему были предъявлены доказательства, и теперь это держало его в приподнятом состоянии. Как будто в их совместном бытии открылся новый, неожиданный план, в котором все исправимо к лучшему, даже их прошлое.

Вместе они прожили двадцать семь лет, из которых только первые десять можно было бы назвать супружеством. При разводе супругов суд прежде всего интересуется наличием у них интимных отношений, то есть общей постелью, в которой супруги исполняют по отношению друг к другу свой супружеский долг, вступая в половую связь. Ее отсутствие – самый весомый аргумент для развода. С этой точки зрения последние семнадцать лет Алексей и его жена могли и не считаться супругами. Да, они жили вместе, воспитывали дочь, но никаких интимных отношений между ними не было.

Вообще-то предвидеть это можно было с первой же ночи, когда его будущая жена, молодая красивая женщина, приехавшая в Питер из глубинки и успевшая побывать замужем, что дало ей питерскую прописку, но не жилплощадь, оказалась в постели у Алексея. Секс с ней не впечатлил, что поначалу Алексей отнес к отсутствию должного опыта у его новой подруги, которую предстояло обучить в нужном ему ключе. Но то, что получалось у него с другими женщинами, в данном случае почему-то не имело успеха, и как любовники они так никуда и не продвинулись. Однако поскольку его холостяцкая квартира вскоре засверкала чистотой, а

с кухни стали доноситься весьма аппетитные запахи, Алексей принял сложившийся порядок вещей, решив, что недостающие ему сексуальные эмоции он сможет получать и на стороне. В этом смысле он никогда не был верен ни одной женщине, считая, что секс – это такая статья интимной мужской жизни, где разговоры о морали и нравственности наивны и смешны.

Тем временем его новая хозяйственная подруга – а ему было уже за тридцать, и он исподволь искал претенденток на роль жены – второй раз забеременела от него, и вопрос перед Алексеем встал ребром: или – или. Поначалу он так ей и заявил: что, мол, жениться не собирается, но потом, вникнув в ее положение, заколебался. И правда – было от чего. Несколько раз она принималась плакать: «А что мне теперь делать?» И во время одного из таких объяснений он впервые за всю историю своих отношений с женщинами почувствовал, что ведь и вправду несет ответственность за происходящее – будто наконец стал превращаться из самца в мужчину. «Ладно, успокойся. Рожай и все такое. Я на тебе женюсь», – сказал он ей и сам удивился, насколько легко ему дались эти слова.

Он вспоминал свою первую поездку в Крым, в студенческие годы, как раз после первого курса. Он отправился один, поставил прямо на берегу среди камней палатку: еще двадцать шагов вниз – и ныряя в воду с огромного валуна. Он уходил на целый день, просто закрывая палатку на молнию, со всем содержимым внутри, уверенный, что никто ничего не тронет. Не трогали...

Удивительное время! Тогда ему еще казалось, что жизнь – это неуклонное поступательное движение к лучшему, что человек умнеет и все точнее встраивается в законы вселенной. И надо просто думать о хорошем и делать хорошие дела...

Однажды, идя по набережной в Ялте, он встретил ее, свою сокурсницу, с которой учился в одной группе и слегка, скорее словесно, флиртовал. Именно словесно, потому что ничего серьезного к ней не испытывал и обычно вспоминал о ней, лишь когда ее видел. Но его тянуло к ней – она была прекрасной слушательницей, умна, остроумна и умело опускала его с небес на землю, когда его заносило. А его заносило постоянно, ибо он видел, что нравится ей. Но с ней он мог позволить себе высшую степень откровенности, довериться ей как очень близкому человеку и, кажется, ни разу не пожалел о сказанном в минуты такого доверия. Рассказывал он ей, естественно, и про свои интимные дела и не смущался, когда она ему говорила:

– Ну, Алеша, по-моему, ты чудовище! Неужели все мужчина таковы?

– Каковы?

– Ну, озабоченные циники...

– Озабоченные? Да, все! Циники? Нет, не все. Разве я циник?

Разговоры эти были нужны Алексею, потому что в них Елена – так ее звали – задавала точку отсчета добра и зла. Есть такие люди – с изначально поставленным чистым вокалом, с нравственным законом в душе, хотя никаких усилий они для этого не прилагали. Просто им это дано, когда большинству других – нет. Елене было дано, это и тянуло его к ней. Она слушала его без всякой эгоистичной мысли, слушала исключительно ради него самого, как, может быть, слушают в церкви, скорее католической, за перегородкой, не видя лица... Такой у нее был дар участливого внимания к чужим проблемам, и, забывая о ней на годы, Алексей тем не менее нес в себе ее присутствие где-то рядом.

...И вот на набережной Ялты он вдруг лицом к лицу столкнулся с ней. Они пошли на пляж, искупались и поехали к нему – она согласилась посмотреть, как он там устроился. Она остановилась в самой Ялте, в обычной квартире с хозяевами за стенкой... Тогда он впервые и разглядел ее – не как университетскую подружку и собеседницу, а как юную прекрасную женщину. Он и сейчас помнил тот миг – она стояла по колена в бирюзовой воде, чуть наклонившись, подавшись вперед, кончиками пальцев задевая накатывающие волнишки, словно отталкивая их от себя, и взгляд ее, мимо Алексея, рассеянно-счастливый и бирюзовый, как море,

был обращен ко всей этой благодати вокруг, когда в какой-то миг осознаешь себя частью мира, его полнокровной подробностью.

Она осталась ночевать в его палатке, посокрушавшись, что не предупредила своих хозяев, и взяв с него слово, что он ее не тронет, но она была слишком хороша, чтобы он не попытался ее искутить, и полночи они целовались, однако стоило ему обозначить дальнейшие намерения, как она, словно Венера Джорджоне, прикрывала ладонью лоно, и без того защищенное трусиками, и шептала нежно, но твердо: «Алеша, нет... ты обещал...»

К утру он стал уставать, хотя именно к утру ее мягкое сопротивление почти иссякло – она даже с усмешкой отметила, что он уже не столь резв и настойчив. Возможно, наддай он еще чуток – и крепость бы пала... Так это и запомнилось: ее шуточный укор, что он отступил, когда следовало еще чуть-чуть поднажать... Как знать, может, это и хорошо, что все так закончилось и они остались друзьями до последнего курса, да и потом, когда он знал, что может в любой момент ей позвонить и заглянуть к ней домой. Она даже была на его свадьбе, и ей очень понравилась его жена – она говорила, что ему повезло, и потом не раз, когда случались семейные разборки, он звонил ей, прося совета, и она всегда занимала сторону жены. Она считала, что у него лишь один, но серьезный недостаток – он был бабником. Именно так спустя годы объяснила она ему, почему не уступила тогда, в палатке, хотя ей хотелось, и даже очень. Для него это было лишь приключением, а для нее – знаком любви, может быть, на всю жизнь. Так она призналась ему в своих чувствах, мимо которых он прошел как последний слепец...

Потом, когда жена отказала ему в супружеской близости, он часто думал о Елене, но она была замужем и растила дочку. А когда он наконец нашел себе подругу на стороне, то узнал, что Елена развелась... И то, что она где-то недалеко и должна помнить о нем, грело его отложенной на будущее невнятной надеждой. После смерти жены он порывался позвонить Елене, но каждый раз что-то его останавливало... Что? Страх, что она его забыла? Страх, что для нее он больше никто и она скажет: прости, у меня своя жизнь, нам нет смысла встречаться? Нет, пожалуй, он просто хотел, чтобы там, вдали, за деревьями продолжала светить по ночам кем-то забытая лампочка... и что если пойти на тот далекий свет, то там все наконец и развяжется и можно будет остановиться и облегченно вздохнуть.

Но была и еще одна причина, почему он не звонил. Однажды в гостях у университетского приятеля он увидел ее дочку – вылитый ее портрет в юности, так что у него захолонуло сердце. Прощаясь, он тогда сказал ей: «Передайте маме привет от Алексея».

– Передам, – спокойно улыбнулась она совершенно маминой улыбкой, в которой ясно читалось, что мама никогда и ничего ей про него не говорила. Он долго ждал звонка от Елены, но она не позвонила. А если бы позвонил он, то сказал бы давно заготовленное: «Почему мы с тобой не муж и жена?»

14 часов 13 минут

Маяки оказались довольно серьезными сооружениями на бетонных сваях, вбитых в дно. Когда начнется летняя навигация, надо будет посмотреть, как они светят. Возле ближайшего маяка он развернулся, чтобы пуститься обратно, удивляясь, что у него пока все так гладко, и тут же из-за его не слишком удачного маневра кайт чиркнул левым краем по снегу и перевернулся. Перевернутый кайт, если стропы на ручках, а не на планке, – это всегда проблема, но есть шанс даже при умеренном ветре развернуть его обратно, для чего одну сторону купола следует приспускать, а другую, наоборот, натягивать. Алексею это удалось, кайт, как пропеллер, сделал оборот, взмыл, но, увы, правый его край не полностью расправился, похоже, перехваченный парой купольных строп. Купол тянул, но его край висел сарделькой. Пришлось опустить кайт, снять лыжи и идти с ним разбираться. Пока Алексей дошел до кайта, вернее, добежал, тот под ветром успел покувыркаться, так что стропы еще больше запутались.

Есть негласное правило для кайтиста: не уезжать слишком далеко от берега. Мало ли что может случиться, и первая из неприятностей – если вдруг пропадет ветер. Тогда возвращайся на своих двоих, да еще в тяжелых горнолыжных ботинках, да еще с горными лыжами... На сей раз Алексей этим правилом пренебрег, и напрасно... От берега он был далеко, хотя метрах в трехстах от него чернели фигурки трех рыбаков. Но они ему не подмога. Лет тридцать назад, когда он, раскатывая на велосипеде по апрельскому льду залива, провалился в полынью, никто из таких вот рыбаков даже не пошевелился, чтобы помочь. Выбрался сам и даже велосипеду не дал утонуть – удержал...

Поначалу все было здорово. Родилась дочь, и они были счастливы, хотя первые два года после ее рождения им редко удавалось выспаться, дочка много плакала, будто все отрицательные эмоции ее матери, пережитые до родов, сказались на ней. Но это они перетерпели, получив в результате симпатичное, своенравное существо с независимым характером, отчего детский сад, например, оказался для дочери слишком тяжелым испытанием, и в конце концов жена вынуждена была бросить работу. Но тогда Алексей неплохо зарабатывал, так что все складывалось наилучшим образом – его устраивало, что дома всегда тепло, чисто, уютно, одежда и белье выстираны и отутюжены, дочка накормлена, на кухне на плите и в холодильнике вдоволь вкусной еды.

Ну а супружеской верностью Алексей себя действительно не обременял. Некоторым оправданием ему служило то, что после рождения дочери его супруга заметно охладела к сексу и редко случавшиеся соития его, мачо в полном соку, с избытком тестостерона, ни в коей мере не могли удовлетворить. Но парадокс был и в том, что он, всегда уверенный в своей потенции, не имевший в своих интимных похождениях ни одного сбоя и прокола и часто слышавший от своих прежних подруг примерно одни и те же слова восхищения, не мог удовлетворить свою супругу, то есть довести ее до полноценного оргазма, сколько бы он над этим ни трудился. Особенно его поразил один случай, когда после секса он пошел в ванную комнату, которая находилась сразу за спальней, оставив обе двери приоткрытыми, и сквозь шум водной струи услышал из спальни странный, как бы верещащий женин голос, какой прежде никогда не слышал, голос, обозначающий накачивающую истому, и со стыдом и ошеломлением понял, что это его жена сама доводит себя до точки оргазма, до которой он, закаленный постельный боец с солидным стажем, не смог ее довести.

Да, жене он изменял, но можно ли это называть изменой, учитывая все вышесказанное? Однако жена ему – скорее всего нет. Может, еще и потому, что была исключительной чистюлей, особенно в интиме, и крайне брезглива, что делало в ее случае факт измены довольно проблематичным. Вода была ее любимой стихией, зимой жена ходила в бассейн, а летом не вылезала из теплого моря, куда они регулярно летали с дочкой. Дома она часами плескалась в ванной, и будь тогда счетчики воды, оказалось бы, что на одну себя она тратит столько же, сколько сотня прочих жильцов. Она вечно боялась подхватить какие-нибудь микробы в местах общего пользования, избегала общественных туалетов, летом никогда не садилась в вагоне метро, так и стояла, и еще – без презерватива не подпускала к себе... Ничего удивительного, что их интимная жизнь постепенно сошла на нет.

Как она, еще не старая красивая женщина, справлялась с потребностями своей природы... возможно, так же, как тогда, когда он нечаянно услышал ее предсмертное, как у пойманной зверушки, верещание.

– Как ты, как мама? – звонила из Англии дочь, и он отвечал, что мама болеет, но пока ничего страшного.

– Что значит «пока»? – с тревогой говорила дочь. – Она болеет уже давно... Что с ней? – И Алексей отвечал, что доктора не могут точно поставить диагноз, но оснований беспокоиться нет...

По профессии дочь была социологом, закончила, как и он в свое время, ЛГУ, и поскольку работы по специальности в Англии ей не нашлось, она сочиняла статейки на самые разные темы для глянцевого журналов, благо, что английским владела не хуже, чем русским, да в придачу еще несколькими европейскими языками. Вообще изучение языков было ее хобби. А начиналось все с английского, который худо-бедно знал Алексей и любовь к которому он привил ей с детства благодаря английским детским стишкам, известным у нас в переводах Маршака и Чуковского, но на языке оригинала еще более звонким и озорным. А ведь это была как бы фольклорная, ничейная детская поэзия. Попробуйте найти в русском фольклоре хоть один яркий детский стишок... Нет, что-то, конечно, приходит на ум, типа: «Жили у бабуся два веселых гуся...».

Или вот это, довольно редкое по похожести на волшебную английскую белиберду:

Эн-дин-ду,
Поп на льду,
Папа Нелли
На панели – Эн-дин-ду!

Или совсем иного качества считалка из военного детства самого Алексея:

Вышел немец из тумана,
Вынул ножик из кармана:
Буду резать, буду бить —
Все равно тебе водить!

И все же не избавиться от впечатления, что русскому семьянину никогда не было особого дела до детей, до пристального внимания к ним. Детская воспитательная литература по сути началась у нас лишь с первой четверти XIX века, а до качественных детских стихов, не считая пушкинских, еще почти целый век как-то не доходили руки. Да и то... Правы те, кто писал, что русские еще молодая нация, недооформленная, сырая... Куда им до детей – они еще с собой никак не разберутся. Вот почему над ними и теперь возможны всякие социальные эксперименты.

Разлад с женой, прошедший чуть ли не через всю их совместную жизнь и тщательно скрываемый от дочери, разумеется, не мог не сказаться на ней, лишив ее чувства надежности родительского дома, отчего она рано, едва ей исполнилось 18 лет, вышла замуж.

Они даже отдыхали порознь, беря отпуск поочередно на два летних месяца, июль – жена, август – он, чтобы посвятить его дочери, обычно на юге, в Крыму, или на съемной даче в пригороде. На юге он не оставался в выбранном женою месте – ей требовались все удобства, почти санаторный отдых, он же предпочитал полудикий туризм – хоть в сарайчике, хоть в палатке, лишь бы ближе к природе, к морю... Не забыть, как он и дочка переправлялись вплавь в дальние бухты Карадага с одним лишь детским надувным матрасиком, на который они складывали одежду и еду. Или как танцевали на какой-нибудь летней, открытой ночному звездному небу площадке под хиты восьмидесятых, под песни АББА и сестер Баккара... А в пятнадцать лет дочь стала уже активно встречаться с мальчиками, и он как образец и идеал отошел на второй план.

Жена никак не могла принять, что любимая дочь, ради которой, по сути, пришлось пожертвовать своей профессией, выросла и имеет право на собственное слово, на независимость, – корила почему зря, тайком читала ее дневники, следила за каждым ее шагом, обвиняя Алексея в том, что из-за него дочь ее «не уважает». Она так и жила в убеждении, что дочь ее «предала», заняв сторону непутевого отца, который ничего в жизни не добился, никогда не был настоящим мужчиной, хозяином, не построил свой собственный дом, не посадил собственное дерево... Получалось, что именно из-за него дочь бросила их, уехав за тридевять земель, лишь бы не видеть, не слышать, не знать эту постоянно наполнявшую воздух взвесь родительского раздора, схватку двух характеров, скорее слабых, чем сильных, в своем нежелании уступать друг другу. Только сильные способны на компромисс, а слабые бьются до конца. То есть даже смерть жены была аргументом в этой схватке, только не очень понятно – чьим... Темных был прав, зачастую рак возникает на почве постоянной неудовлетворенности жизнью, постоянного стресса – от душевной неприкаянности и тоски. А что жена тосковала рядом с ним... это он должен был признать.

Почему они не развелись? Если раньше ответом на этот вопрос было благополучие дочери, то почему не развелись потом, после ее ухода – ведь они так и продолжали жить вместе. Ради чего? По инерции? Из страха поменять имеющееся на неизвестное? Из-за того, что жене не встретился другой достойный мужчина, а ему – другая достойная женщина? Нет, вполне достойные женщины у него точно были, а насчет ее других мужчин – тут он не знал абсолютно ничего.

И вот она умирала на его глазах, молчащая, почти недвижимая – просьбы приходилось угадывать по страдальчески меняющемуся выражению ее лица, но еще верилось, что все обойдется, образуется, что чудо-лекарь по фамилии Темных, справившись о ее здоровье где-то там, на небесах, услышал от небес же ответ: она будет жить! Алексей чуть не каждый день звонил экстрасенсу, и тот, терпеливо выслушав его, терпеливо же и весьма подробно сообщал о положительных переменах в ее организме, о всяких там наблюдаемых подвижках в лучшую сторону, и поскольку эта незримая борьба с раковой опухолью ничего Алексею в денежном выражении не стоила, ему оставалось только верить, верить, верить. Он даже стал считать, что своей верой помогает жене.

14 часов 55 минут

Алексей поговорил по телефону с дочерью. Она звонила ему раньше, когда он мчался к маяку и не мог достать мобильник. Он доложил, что с ним все о'кей и волноваться не стоит. А волновалась она привычно, поскольку знала, что с кайтом у него без проблем не бывает. Впрочем, не раз она с улыбкой говорила, что создавать себе проблемы, а потом преодолевать их – это его любимое занятие. Перед тем как забрать его, пообещала завезти ему домой «вкуснятины» на несколько дней.

Чтобы привести кайт в рабочее состояние, пришлось порядком повозиться. Наконец кайт взмыл и потянул к берегу. Однако за это время ветер прибавил, и Алексея стало сносить в сторону от трассы, прямо к ковшу новой пристани, где летом теперь швартуются огромные многопалубные пассажирские суда-паромы из Скандинавии. Худо-бедно он прокатил с километр, в том числе через торосы, где льдины торчали из снега, как шестилитровые бутылки из-под питьевой воды. Счастье, что ему удалось избежать столкновений. Ветер все нажимал, и как Алексей ни упирался, его сносило все правее и правее – закантовать лыжи в насте не получалось, и его тащило скорее не вперед, а вбок. Если так будет продолжаться, то ему уже ни за что не выехать против встречного ветра – придется огибать пристань с южной стороны... В какой-то момент купол потерял ветровое окно, сложился и стремительно спикировал на снег, словно ему надоели бессмысленные маневры. Тут же его закувыркало, как перекаати-поле...

Из Интернета Алексей узнал, что на Западе недавно появился новый лекарственный препарат, который показал свою эффективность при лечении рака желудка, – правда, очень дорогой. . . При очередном звонке дочери, которые в последнее время участились, словно дочь стала о чем-то догадываться, он сообщил ей об этом лекарстве и попросил, если оно действительно есть в продаже, прислать срочной почтой.

Так тайное стало явным, потому что в Англии такое лекарство можно было приобрести только по специальному врачебному разрешению и пришлось его заказывать в Израиле, где специального разрешения не требовалось. Вконец расстроенная дочь учинила Алексею допрос с пристрастием, и он ответил, что данное лекарство на всякий случай рекомендовал лечащий врач как средство профилактики рака. Однако он по-прежнему свято верил в целительное могущество Темных и мечтал о том дне, когда жена пойдет на поправку, и тогда он с гордостью расскажет дочери и всем, кому это интересно, как он с Темных или пусть даже один Темных утерли нос современной медицине. Сказать дочери, как на самом деле лечат ее безнадежно больную мать и его жену, он не решался. Да и кто поверит, что есть на свете человек, который вопреки всему говорит: она не умрет.

Лекарство было выслано, жена регулярно принимала его, но без видимых улучшений. Темных же твердил о наступлении макрофагов на раковые клетки, от которых, например, уже очистился ее позвоночник.

– Что, они и в позвоночнике были? – почему-то ужаснулся Алексей.

– Да, – сказал Темных, – но сейчас нет. Только позвоночник, разумеется, пострадал, стал хрупким, так что вашей жене скорее всего придется вести в дальнейшем лежащий образ жизни.

Вот оно что! Алексею почему-то казалось, что ему вернут здоровую жену. . . Это было его первым разочарованием, нет, скорее первой тенью сомнения в положительном исходе или, может, сомнением в самом экстрасенсе, которому он доверил здоровье своей супруги. Но он тут же справился с собой, помня, что только вера позитивна в данных обстоятельствах, и подумал, что ничего страшного нет и в лежащем состоянии – некоторые проводят так по полжизни, а то и всю жизнь. . . Лишь бы жила. Да, он совершенно искренне, заглядывая даже в самые темные глубины своего «я», не желал смерти жены – пусть хоть в каком, хоть в утешительно-оправдательном варианте якобы избавления от страданий. Он понимал, что будет прикован железной цепью к постели больной, что его собственная, отдельная от нее жизнь кончится, но был готов и на это. И не столько потому, что чувствовал себя давно и безнадежно виноватым перед ней, а потому, что по-своему, на какой-то свой эгоцентричный лад любил ее. Может быть, жалел, а может, чувствовал, что она, несмотря ни на что, единственный по-настоящему близкий ему человек, и ввиду не такой уж далекой старости страшился остаться один.

Темных между тем спокойно и уверенно отвечал на звонки Алексея, отчитываясь о проделанной работе, называя количество лимфоцитов, эритроцитов и прочих составных частиц крови, говорящих о состоянии больной больше, чем ее внешний вид, который пугал Алексея, и по словам экстрасенса выходило, что здоровые клетки организма идут в наступление на раковые и оттесняют их.

– Конечно, – говорил Темных, подтверждая последние печальные открытия Алексея, – ваша жена уже не будет такой, как до болезни, скорее всего ей придется лежать, но, поверьте, она будет получать удовольствие от жизни в той мере, в какой его получают обездвиженные люди. Человек, если душа его жива и свободна, быстро привыкает к любому дискомфорту.

– А в инвалидной коляске она сможет передвигаться? – спрашивал Алексей, рисуя себя их дальнейшую жизнь.

– Разумеется, – сказал Темных. – Если кто-то будет ее возить.

– Я и буду, – сказал Алексей.

– Вот и отлично, – сказал экстрасенс, как будто и это он устроил силой мысли.

А Алексей снова подумал, что наступает время, когда ему самому придется платить по счетам и возвращать долги, то есть жертвовать своей мужской вольницей. Видимо, он это заслужил – оставалось безропотно взвалить на плечи этот крест и нести, нести, пока сам не упадешь. Ну что ж, у каждого своя ноша... И едва ли найдется на свете тот, кому удалось избежать ее. Если честно, то, в конце концов, ничто не мешало ему в свободное от ухода за женой время удовлетворять хотя бы толику своих элементарных мужских потребностей с другими женщинами.

Есть люди, всю жизнь накапливающие в себе различную информацию, люди, собирающие знания из разных областей науки, культуры, политики, – это их ментальный хлеб. Из таких людей, если они не стали учеными или изобретателями, получаются хорошие учителя, методисты, популяризаторы, разного рода критики и систематизаторы. Чужое, то есть общее интеллектуальное наследие – это и есть среда их духовного обитания, в этой среде они как рыба в воде. Они умело ею пользуются, комбинируя знания в соответствии со своими вкусами. А есть люди, в которых те же самые знания почти не оседают, не преумножаются, но исподволь влияют на их личность; у таких людей обычно плохая память, они могут путаться в датах, событиях и именах, они не очень умеют говорить вслух, из них никакие ораторы и преподаватели, однако все, что пропущено ими через себя, формирует в них отзывчивость; их оружие – интуиция, и главное достоинство таких людей, пусть они не стали писателями, поэтами, художниками или музыкантами, в восприятии жизни как художественного акта, в эстетизации почти любых ее проявлений... Пожалуй, к таким людям можно было бы отнести и Алексея.

Конечно, на свете много и тех, кто сочетает знания с интуицией, но здесь речь идет о людях нетворческих, то есть не пришедших к потребности выразить самих себя, а лишь потребляющих самовыражение других, но на уровне, который можно было бы отнести к сотворчеству. Видимо, поэтому дочь Алексея с детства выбрала своим главным собеседником и доверенным лицом не мать, а его, своего отца.

Ей было пятнадцать лет, когда они в составе группы старших школьников из туристического кружка Дворца пионеров отправились в путешествие на байдарках по Пинеге, притоку Северной Двины. Руководил этим кружком один из авторов так называемой «Ленинианы» – золотой жилы для историков: он изучал деятельность Ленина в Питере на основе адресов проживания «вождя мирового пролетариата». В группе было двенадцать школьников и трое, считая Алексея, взрослых. Все по кружку прекрасно знали друг друга, не раз бывали в походах – новичками были только он с дочерью.

Подготовка заняла несколько дней – на берегу Верхнего Суздальского озера в Озерках они проклеивали борта разборных трехместных байдарок прорезиненными полосами ткани – по продольным ребрам, так называемым стрингерам, где чаще всего и случались прорехи. А спустя три дня уже стремительно накидали огромные рюкзаки в плацкартный вагон поезда, сели и поехали на север. В Петрозаводске выгрузились, пересели на пассажирский «кукурузник» Ан-2, долетели до поселка Горки, то есть чуть ли не до истока Пинеги, собрали свои плавсредства, загрузили вещами, продуктами и поплыли, пять байдарок, почти 600 километров вниз, по течению. Впереди – начальник похода, завзятый путешественник, член Всесоюзного географического общества семидесятилетний Иван Ерофеевич, сухой, поджарый и немногословный, за ним руководитель кружка, неутомимый исследователь ленинских адресов энергичный бодряк Яков Дробкин, за ним еще две лодки и наконец Алексей с дочкой. Поначалу они отставали, но спустя полчаса Алексей приноровился грести двухлопастным веслом, и на них перестали иронично оглядываться...

В том году август на Севере выдался теплым, солнечным, и путешествие по воде, хотя и требовало немалых физических усилий, было в удовольствие. Поначалу река была узкой, и они плыли сквозь стоящий по берегам лес, в котором даже с байдарки были видны грибы –

белые и подберезовики с подосиновиками, но стоянка полагалась только на обед. Для нее они выбирали песчаную отмель вблизи леса, куда бегали по нужде. И если у воды и возле костра ни комары, ни мошка не докучали, то стоило лишь на несколько шагов углубиться в заросли, как ты становился их законной добычей. При этом, разумеется, больше всего доставалось интимным местам, которые потом зудели, как от крапивы. В первую ночевку Алексея так искусили кровососущие, что утром его перекошенное опухшее лицо было не узнать. Сдержанно улыбаясь, все его подбадривали, дескать, поначалу и с ними такое бывало. Далее он уже пользовался репеллентом, на ночь тщательно на все молнии закрывал палатку, а успевшую залететь мелочь, мечущуюся под сводом палатки, выжигал пламенем свечи.

Трудно было не искуститься грибами, и хотя блюда из них, как рискованные, не приветствовались, собранные и сваленные в кучу у костра дары леса выглядели столь призывно, что руководители разрешали сварить их в качестве приправы к основным блюдам. Основная же еда состояла из каш с тушенкой или сухофруктами, преимущественно черносливом, и была на удивление вкусна.

Леса по берегам реки чередовались с заливными лугами, а сами берега то опускались, превращаясь в поймы, то возвышались холмами, поросшими травой, а порой становились каньонами, обнажая спрессованное цветными слоями прошлое. Байдарки были довольно ходкими, руки привыкли к веслу, попеременно – слева и справа – окунаемому в воду, жаль, на рыбалку не оставалось времени – вечером, когда вытаскивали на берег плавсредства, ставили палатки и разжигали костер, было уже не до нее. Да и досаждали неизбежные комары, заставляя плясать камаринскую, пусть данный танец и не имел к ним никакого отношения, в отличие от тарантеллы, обязанной тарантулам...

Особенно хороши были утренние часы с хрустящим от свежести воздухом, с обильной, посверкивающей, как хрусталики люстры, росой на траве, с еще зеркальной от безветрия, медленно текущей к далекому устью водной гладью, со стрекотом пробудившихся насекомых, с лягушками, прыгающими из-под ног, и всплесками рыбы на слепящей солнцем реке, в глубинах которой уже вовсю шла своя, сокрытая от посторонних глаз жизнь на выживание.

Вскоре после безлюдных покосов, обычно с рубленой времяжкой для косцов на краю, по берегам появились деревни, всё старинные, почти не тронутые ни временем, ни войнами, если не считать убыток в них мужского населения и закрытых по причине официального атеизма церквей, в основном деревянных, ветшающих без должного ухода, – некоторым из них, еще сохранившимся, было более двухсот лет. Алексей взял с собой фотоаппарат и, едва причаливали к берегу, спешил к этим разве что чудом уцелевшим шедеврам деревянного зодчества – церквушкам, колоколенкам, часовням, фотографировал без усталости, записывал, если удавалось узнать, их названия и дату постройки и так восхищался ими вслух, что над ним стали посмеиваться.

Вообще обнаружилось, что прошла неделя, а они с дочкой по-прежнему оставались чужаками – отдельно живут, отдельно плывут. Первой это заметила дочь и, ревниво следя за тем, кто и как к ним относится, сказала, что ей лучше перебраться в палатку к девочкам. Так и поступили, и он остался в палатке один. Легкую неприязнь к себе, в которой проглядывала неожиданная для него доля соперничества, он спокойно мог перенести, а вот его дочке все это было ни к чему. Она и из байдарки его ушла, подсев третьей к мальчикам, так что возникшее было напряжение вроде как рассеялось. К тому же дочь была красива, с формами вполне зрелой девушки, и вид ее в открытом купальнике, когда случалось поплескаться в реке, вызывал у мужской половины группы более чем положительные эмоции, а у женской – желание подружиться. Ревности не было, поскольку все держались парами, сложившимися с прошлых путешествий.

Между тем продукты, взятые в дорогу, стали иссякать, и приходилось пополнять запасы в местных сельских лавочках. Вдруг выяснилось, что все соскучились по сладкому – по конфе-

там, шоколаду, что походным рационом не предусматривалось. Большинство быстро истратило на лакомства всю свою наличность и теперь с завистью поглядывало на экономных и бережливых, так что было решено вообще запретить такого рода покупки, чтобы не провоцировать раздоры в команде. Алексей поначалу не придавал этому значения, посчитав, что лично на него такой запрет не распространяется, и свою ошибку осознал слишком поздно: в тот день, под вечер, все, кроме него, уже сели в байдарки после закупки провианта, и он крикнул отплывающей байдарке, где с двумя мальчиками сидела его дочь: «Подождите!» – чтобы передать три купленные плитки шоколада, разумеется, на всех. Не забыть, как обернулись в его сторону с других байдарок: во взглядах, устремленных на него, была та самая коллективная бессознательная недобрая зависть, которая, в общем, и движет историю...

После того случая дочь сказала ему: «Папа, больше не покупай ничего», и была права. Он и сам почувствовал, что неприязнь к нему только возросла, тем более что он по своей врожденной привычке держался особняком, хотя исправно исполнял свою долю обязанностей: таскал тяжести, рубил дрова, ремонтировал байдарки. Получалось, что он, взрослый мужчина, должен был жить по общим правилам, а с этим у него были нелады начиная с детства, с противопоставления родного, домашнего чужому, детсадовскому...

Дело было не столько в насилии чужого над родным – ведь и от матушки он подчас защищал свое «я», – сколько в противостоянии личного коллективному, где личное ущемлялось в угоду общему. Да, он вырос одиночкой и теперь настаивал, чтобы с этим считались, однако хотел он того или нет, но все, что бы он теперь ни делал, расценивалось как вызов остальным. Он приглядывался, как ведут себя с подростками Иван Ерофеевич и Дробкин, но те отношения имели лишь устойчивую форму, но никак не содержание. Оба для подростков были просто докучливыми взрослыми, которых в данных обстоятельствах положено слушаться, он же, Алексей, приравнивался ко всем остальным – и спрос с него был другой. Получалось, что даже дочь, прошедшая пресс детского сада, оказалась мудрее его. Уже будучи взрослой, она однажды рассказала ему, как ненавидела детсадовскую еду, особенно паровые котлеты – воспитательница требовала, чтобы на тарелках ничего не оставалось, и дочь отправлялась в постель на послеобеденный «тихий час» с котлетой во рту, чтобы потом как-нибудь тишком от нее избавиться. Дочь умела подчиняться воле и интересам коллектива без всяких конфликтов, оставаясь себе на уме, а он... Образно говоря, он даже не пытался попробовать коллективную котлету и теперь за какие-то десять дней ухитрился настроить против себя в общем-то неплохих мальчишек и девчонок.

Дробкин не мог не заметить растущий антагонизм своих воспитанников к Алексею, но в его интересах было делать вид, что все в порядке, – он был, как всегда, бодр, деловит, в меру строг, в меру весел, а Иван Ерофеевич, с которым он делил палатку, вообще был далек от внутренней жизни коллектива – сосредоточен на грядущих особенностях маршрута и на своем здоровье, которое пока – тьфу-тьфу – его не подводило. Греб он не хуже молодежи, а то и лучше, держась впереди и задавая темп, чтобы в расчетное время оказаться в нужном месте, и Алексей тогда пожелал себе такой же старости, и хорошо бы на природе, которой ведь все равно, сколько тебе лет.

15 часов 49 минут

Снова позвонила дочь – сказала, что ей в «Ленту» за продуктами, а потом она может заехать за ним, если он уже накатался... Алексей ответил, что не знает, когда будет у берега, поэтому заезжать не нужно. Снова возня со стропами – при минус пяти, на ветру, с голыми руками... но когда в крови адреналин, руки вообще не мерзнут.

Пока он приводил оснастку в порядок, ветер стал прерывистым, и пришлось так и поехать – зигзагами, притом что его все равно сносило прямо к причальному ковшу. В какой-то момент

ветер надал, Алексей не успел на него среагировать, и кайт с размаха носом, то есть воздухозаборниками, спикировал в снег.

Тэк-с... Это стало уже надоедать. До причала было метров семьсот, до берега еще с километр. Чтобы не упереться в причал, следовало двигаться галсами, под острым углом к ветру. Но к берегу таким образом не получалось – слева купол кайта начинал складываться, а это и означало край ветрового окна, то есть минимум тяги. Оставалось повернуть обратно в сторону маяков, что Алексей и сделал, рассчитывая все-таки отыграть у ветра потерянное. Он поднял кайт, и ветер, словно поджидая этого мгновения, задул так, что Алексея понесло со скоростью километров пятьдесят в час. О, господи...

Было страшновато.

В один из вечеров, когда, свернув с русла реки в небольшую протоку, они разбили палатки на берегу, развели костер и ужинали, с другого, что за протокой, берега сквозь кусты ивняка, чуть не падая, прорвался напролом пьяный мужик и пошел вброд к стоянке, матерясь на чем свет стоит. Мужик был слишком пьян и агрессивен, чтобы объясняться с ним. Дробкин, загородив девочек, велел им скрыться в палатке, а мальчишки в легкой растерянности стояли у костра, видимо, ожидая, что им скажет руководитель. Но и Дробкин, и Иван Ерофеевич, хотя наверняка видали всякое, в те короткие мгновения замешкались, и Алексей, слушая мат-перемат мужика, чувствующего себя хозяином положения, инстинктивно, потому что за спиной была и его дочь, выступил вперед и крепко взяв мужика под локоть, сказал:

– Здорово, брат! Заблудился? Пойдем, я тебя провожу. Пусть ребята отдыхают. Ты из какой деревни?

Алексей говорил первое, что приходило в голову, одновременно разворачивая мужика и глядя ему прямо в глаза. Внутри его колотило, как когда-то перед соревнованиями – в университете он занимался самбо, – и он прикидывал, справится ли с мужиком выше его ростом и, судя по его жилистой руке, довольно крепким. Они уже шли обратно по колено в протоке и, как ни странно, мужик слушался и давал себя увести. Вглядываясь сквозь сумерки в Алексея, он спрашивал: «Лешка, ты, что ли?»

За ивняком и зарослями мелкого березняка и ольшаника открылся луг, где в наступающей темноте были слышны перетопы и всхрапы стреноженных коней. Пьяный в хлам мужик был пастухом, выгонявшим коней в ночное, – на краю луга виднелась его сторожка, куда они и пришли. Из какой он деревни, мужик не ответил, но вопрос явно огладил его душу – кому-то еще интересна его персона. Затем он стал осознавать, что перед ним не Лешка, и это он никак не мог уразуметь, чередуя угрозы с жестами примирения. Алексей понимал, что если сейчас вернуться к своим, то мужик попрется следом и все повторится, и потому решил остаться. Чтобы найти общее, он заговорил об армии, о своей срочной службе, когда ему действительно пришлось быть как все, однако оказалось, что мужик в армии не служил, а «пыхтел семь лет на шконке за мокруху» в разборке, хотя по его словам выходило, что убивал не он, а другой, который вышел сухим из воды. И на лице мужика при этом проступала ожесточенная горечь неизбытой обиды.

Тем временем совсем стемнело, глубокое поздне-августовское небо обложили звезды, выпала роса, и над лугом встал туман, из которого доносились все те же звуки пасущихся лошадей. Алексей, обмолвившийся, что у него есть воинское звание лейтенант (обычное дело после военной кафедры в вузе), теперь в глазах пастуха, которого звали Пашкой, Павлом, Павлухой, превратился в кого-то вроде лагерного вертухая, и хотя Алексей тоже назвал свое имя, Павлуха стал называть его не иначе как «летенан». Затопив железную, наподобие «буржуйки» печку, он подбрасывал в топку поленья, шурился и, нехорошо скалясь – сверху у него не хватало двух передних зубов, возможно, утраченных в той самой роковой драке, – говорил:

– Летенан, почему не в форме? Пропил? Мы с тобой вместе, что ли, пили? А где Лешка?

– Лешка ушел домой спать, а ты все бузотеришь...

– Не, не лепи горбатого, летенан... Я свою норму знаю...

Сполохи огня из-за открытой заслонки пробовали на ощупь тьму, выхватывая из нее развешанные вокруг пучки сушеной травы, лохмотья мха, свисающие с наспех проконопаченных стенок сруба, широкоую, как нары, лавку с ведром на ней.

– Эх, дрова кончились, пойду нарублю, – сказал Павлуха, доставая из-за печки топор. Заметив, какой взгляд бросил на него Алексей, он осклабился:

– Не бойсь, летенан, тебя не зарублю.

– Ты себя не заруби, – нашелся Алексей, – по ноге спяну не жхни или по руке. Давай лучше я – безопасней будет.

– Ты чо? На зоне контора дрова не рубит.

– Какая же тут зона, – сказал Алексей, твердо берясь за топор, – дрова-то где?

– Ну, ты авторитет, – сказал Павлуха, уступая топор. – Там, за домом... найдешь.

Небо в звездах, белесая полоса тумана над лугом на фоне темной стены леса, всхрапывания невидимых коней, столбик оранжевых искр и домашний запах дыма из железной трубы, торчащей над крышей сторожки...

«Я ведь это никогда не забуду», – подумал он. Когда он колот дрова, за его спиной послышались осторожные голоса и шорох веток – это были двое мальчишек, посланных Дробкиным на разведку.

– Идите, спите спокойно, – махнул он им. – Все под контролем. Я один справлюсь, – и ему было приятно думать, что, пожалуй, так оно и есть.

Он наколот и принес охапку дров. Павлуха удовлетворенно кивнул, достал откуда-то берестяной короб и вынул из него два больших куска сушеной трески.

– Ну что, летенан, похаваем? Не побрезгуешь?

Вскоре в котелке, поставленном на печку, забурлила вода и по сторожке разнесся запах рыбы. Нашелся и хлеб. Когда они трапезничали, устроившись на нарах, занимавших половину сторожки, возле открытой настежь двери раздались шумное дыхание, мягкая переступь шагов и в проем, пошевеливая ноздрями, просунулась огромная лошадиная голова.

– Машка, а ну пошла! – для порядка рявкнул разомлевший Павлуха, и лошадь, вздохнув, отступила.

– Может, ей хлеба дать? – сказал Алексей. – У меня осталось...

– Ну дай, – усмехнулся Павлуха. Веки его уже слипались от сна и, махнув рукой, он повалился спиной на нары.

Алексей вышел из нагретой, пропитанной рыбьим духом сторожки на пронзительно свежий и знобкий воздух. Рядом за дверью, прислонившись к стене, стояла Машка, словно ожидая угощения. Алексей протянул ей на ладони кусок хлеба, и она осторожно, одними ворсистыми губами взяла его. Прикосновение этих лошадиных губ вызвало в нем какой-то мгновенный, до слез, прилив нежности – то ли к ней, молча все понимающей, то ли к самой звездной ночи, торжественно стоящей вокруг, то ли к этому несчастному Павлухе с покалеченной судьбой, то ли к своей собственной судьбе, делающей ему такие подарки, когда вдруг, пусть на несколько мгновений, дано ощутить жизнь в ее неуловимой сути, а не в том, что ты сам о ней думаешь...

На розовой заре в сверкающем хрустальном росном мире они верхом – Павлуха проснулся трезвым как стеклышко – на двух лошадях спустились к протоке на глазах рано вставших ребят, разжигающих костер...

Поймав вопросительный взгляд дочери, Алексей подмигнул ей.

На прощанье Павлухе презентовали банку тушенки и полбуханки черного хлеба, а потом, когда сложили палатки и сели в байдарки, Алексей вдруг осознал, что ребята плывут именно за ним, как за вожаком, лидером, повторяя любой его маневр, синхронно, как рыбы в стае.

«Признали...» – с усмешкой подумал он.

Признание его абсолютного авторитета продержалось недолго, но остатки его сохранялись до самого конца их путешествия, где был и Архангельск, и Холмогоры, и монашеский скит в лесу, и теплоходик «Юшар», отвезший их на Соловки, и сами Соловки, а та ночь с пастухом, пожалуй, так и осталась для Алексея в памяти целиком, как кадры какого-то удивительного фильма...

А жена продолжала угасать. Алексей уже не носил ее в туалет и ванную, а подкладывал под нее судно, потому что она перестала контролировать отправление естественных надобностей, и как он ни пытался проветривать комнаты, в квартире стоял гнетущий запах страдания. Пожалуй, теперь беспомощную, полностью зависящую от него, от его забот, он любил жену даже больше, чем раньше, как может любить скупой рыцарь свое всеми силами оберегаемое сокровище, и не испытывал ни малейшего отвращения к тому физическому унижению, в котором она, прежде такая чистюля, пребывала. Скорее наоборот – он теперь умилялся даже содержанию ее судна, ведь это означало, что ее органы живы и продолжают работать. Он стал не то что патронажной сестрой, которая привычна к любым отвратительным для здоровой психики подробностям разлагающегося тела, он превзошел этот барьер отстраненности – как бы разделил с женой ее болезнь, как врач, который на себе проверяет действие открытого им лекарства. Утром и вечером он делал уколы, обтирал ее тело теплой влажной губкой, особенно осторожно и любовно в интимных местах, подстригал кудель волос на лобке, прежде всегда ухоженном, находя в этом растительном буйстве еще одно подтверждение победы живого в ее организме над мертвящем, менял белье – на свежевывстиранном ей было заметно комфортней, готовил каши и протертые овощные блюда, кормил с ложечки, включал, когда она просила, музыку – Шопена или Дебюсси, читал ей Пушкина, Бунина, Булгакова, иногда не зная, спит она или еще слушает – глаза ее по преимуществу были закрыты... Пищу она принимала с трудом – все ей казалось горьким.

С каждой неделей она опускалась на одну ступеньку к небытию, и Алексей каждую неделю должен был подниматься на ту же ступеньку, а то и на две, чтобы справляться с усложняющимися обстоятельствами. В паузах он читал корректуры и относил их в издательство, что-то получая за это, что вместе с пенсией и денежными переводами от дочери позволяло сводить концы с концами.

Вскоре обычные обезболивающие перестали помогать – от болей спасал только морфин, но его было бы невозможно достать, если бы не старые связи Алексея. Новые уколы на несколько часов избавляли жену от страданий – плохо лишь то, что они вызывали привыкание организма к наркотикам, но выбора не было... Он читал, что за границей раковым больным на последней стадии дают таблетки ЛСД, но у нас это приравнивалось к уголовщине.

Однажды утром, войдя к жене – он теперь спал в гостиной, – он увидел на ее лице необычное, какое-то благостное выражение, ее чаще всего отсутствующий взгляд стал осмысленным, она тепло, как когда-то, очень давно, посмотрела на мужа, взглядом же подозвала его к себе и, приложив руку к золотому крестику на шее, прошепестела какое-то слово. Собрав в комок все свои способности к разгадыванию звуков ее теперь невнятной речи, он кивнул и сказал: «Священник?» Жена благодарно закрыла глаза.

– Ты хочешь, чтобы я позвал священника? – переспросил он.

Жена зажмурила уже закрытые веки, и из уголка левого глаза выкатилась слезинка.

– Она просит позвать священника, чтобы он отслужил молебен у ее постели, – сказал он по телефону Темных.

– Вот как, – сказал тот, сделав странную паузу... – Ну, раз просит, надо позвать.

– Вообще-то я атеист, – сказал Алексей, – не верю во все это.

– Имеете полное право, – сказал Темных. – Но жена ваша, судя по всему, верующая. Нет ничего плохого, если священник отслужит возле нее молебен за здравие. В молитве, даже с

точки зрения науки, присутствует своя особая энергетика, свой положительный импульс. И мне будет в помощь.

– Вы по-прежнему убеждены, что она будет жить? – спросил Алексей, впервые позволив себе скептическую нотку.

– Да, убежден, – спокойно сказал Темных, – только не надо сбавлять усилий, надо продолжать работу на исцеление. Вы ведь тоже заняты этим... – и, сделав паузу, чтобы Алексей оценил осведомленность целителя, Темных продолжал: – Надо верить. Верьте, что она выздоровеет, и так и будет. Вот и вся религия в действии.

Темных как бы передоверял теперь часть своей работы Алексею, считая, что тот набрал для этого достаточно кондиции. Алексей не знал, как к этому отнестись: с одной стороны, ему было лестно слышать такое, с другой – это можно было понять как шагок в сторону от ответственности за результат. Вот и священник должен теперь помогать... И потому он сказал:

– Но ведь молитва за здоровье – она обращена к Богу, чтобы тот услышал и помог. И разве не Бог говорит, что каждому будет воздано по делам его. Разве моя жена заслужила такое воздаяние. За что? За что ее наказывает Бог, если он есть?

– Бог обозначает лишь направление, вектор развития, но напрямую никак не соотносится с жизнью и смертью отдельного человека. Бог – это лишь всеобщий закон бытия, в котором, применительно к человеческому бытию, добро должно побеждать зло...

– Если бы... – усмехнулся Алексей.

Темных, вероятно, не заметил, что в прозвучавшей словесной конструкции добро и зло грамматически дихотомичны, то есть выступают одновременно и подлежащим и прямым дополнением, делая возможным обратный смысл, – одна из темных особенностей незрелого русского синтаксиса... И Алексей продолжил:

– Ведь сказано: род уходит, и род приходит, а земля остается вовеки. Получается, что единственная ценность для Бога не человек, а земля, которую он охраняет и поддерживает неизвестно для чего...

– Нет, на самом деле все гораздо сложнее, – сказал Темных. – Земля и человек находятся в нерасторжимой связи – это по сути один организм, некоторые называют его антропосферой. Отчасти она и есть то самое энергетическое поле, о котором мы уже говорили. Иначе там, откуда я беру информацию, никакой информации не было бы. Говоря о промысле божьем, надо подразумевать победу добра над злом, и только. А когда человек обращается к Богу, на самом деле он обращается к своему высшему началу, активизирует его. Вивекананда говорил, что на нашу молитву отвечает не Бог, а наш собственный скрытый потенциал. Мы сами себе помогаем. Бог – это лишь идея общей закономерности, некая причинно-следственная связь, диалектической частью которой является случай, случайность. Болезнь вашей жены и есть такая случайность, сбой программы, исключение из правила, из нормального хода вещей, и потому там, наверху, берутся это исправить. А вообще, заболевание вашей жены, возможно, связано с ее профессиональной деятельностью – она ведь музыкант, мечтала о карьере пианистки...

– Откуда вам это известно? – искренне удивился Алексей, поскольку хорошо помнил, что о профессии жены он экстрасенсу никогда не говорил.

– Мне известно гораздо больше... – мягко ответил Темных. – В данном случае я лишь хотел вам напомнить, что, не реализовав свои возможности, человек находится в постоянном стрессе, а это неизбежно приводит к ослаблению иммунитета. Результат вы знаете... Я бы на вашем месте выполнил пожелание жены и позвал бы священника.

16 часов 43 минуты

Промчавшись с минуту в сторону маяков, он решил больше не испытывать судьбу и опустить кайт. Но как это сделать на такой скорости? От него ничего не зависело – не он управлял кайтом, а кайт им. С трудом он подтянул на себя нижние стропы – купол заполоскал левым

краем, превращаясь в тряпку, но правый надутый край продолжал тянуть – правая рукоятка вырвалась из руки, и, чтобы не упасть, Алексей выпустил и левую. Кайт схлопнулся, перевернулся в воздухе, свалился метрах в пятидесяти от Алексея и пополз по снегу – Алексей же припустил за ним. К счастью, купол так сложился, что скольжение его замедлилось...

Что в результате? В сухом остатке, так сказать. Он снова далеко от берега. Кайт запутан, и, похоже, начинаются серьезные проблемы.

Солнце опускалось, время шло... Очередной звонок от дочери: – Ты как? Я еще могу за тобой заехать.

– Не знаю. Позвони минут через сорок. Может, я уже буду у берега. А пока я далеко.

– Может, я на машине спущусь, тебя заберу?

– Да ты что! Все нормально!

– Правда, все нормально? – переспросила она.

– Абсолютно! – сказал он. – Тут хорошо, солнце, простор...

Священник из ближайшей к дому церкви Алексею не понравился, как и весь его бессмысленный обряд над умирающей женой. Скороговоркой бормоча что-то нечленораздельное о рабе божьей, он махал у изголовья жены кадиллом, и по всему было видно, что он и сам не верит ни одному своему слову: хмурое выражение лица его говорило лишь о том, что ему неприятен вид больной и единственное его желание – поскорее отслужить заказанный и оплаченный молебен. После этого в квартире еще несколько дней стоял тошнотворный запах ладана, смешавшийся с запахом приближающейся смерти.

Когда, омывая губкой тело жены, Алексей обнаружил у нее на животе ниже пупка лиловое пятно, которого прежде не было, он позвонил не Толстым, а в поликлинику и добился, чтобы пришел врач.

Для порядка измерив больной давление и еще раз внимательно взглянув на нее, врач кивком указал на дверь и уже в коридоре тихо сказал:

– Это некроз. Омертвление тканей. Имейте в виду, жить ей осталось максимум две недели. Вы здесь один с ней?

– Один, – сказал Алексей, чувствуя, как леденеет его позвоночник, – но вообще-то у нас есть взрослая дочь. Правда, она далеко. Я не хотел ее волновать, пока оставалась какая-то надежда.

– Бог с вами! Какая надежда? – сказал врач, перелистывая медицинскую карту жены. – Тут диагноз... Летальный исход без вариантов. Вы были поставлены в известность.

Сказать ему про экстрасенса? Только тут Алексей вдруг осознал всю абсурдность того, чем он жил последние месяцы.

– Но мы принимали новый препарат, только что разработанный на Западе.

– Помогло? – с иронией спросил врач. – Я бы на вашем месте поставил дочь в известность.

– У жены некроз, – в отчаянии позвонил Алексей экстрасенсу.

– Да, я вижу, – сказал Темных. – Я работаю над этим.

На сей раз на вопросы он отвечал уклончиво, и огонек надежды в Алексее окончательно погас. Потом, немного поразмыслив, он решил, что Темных ни в чем перед ним не виноват – так или иначе он подарил три месяца веры в благополучный исход. За это время вполне можно было свихнуться. Ему подарили сказку, и он поверил. Каждому дается по вере его...

В одну из ночей Алексею приснилось, что они с женой дома, в своей квартире, но наружные стены у квартиры прозрачные, и за одной из стеклянных стен, выходящих на улицу, под притолокой он видит льнувшее к стеклу женское лицо, стремящееся заглянуть внутрь, – во всем черном женщина плывет вдоль стены, и ткани на ней помавают, как плавники. «Я ее прогоню!» – кричит он жене и бросается к входной двери, тоже из прозрачного толстого стекла,

а с той стороны возникает перекошенное женское лицо и с каким-то отвращением впивается взглядом в Алексея. От ужаса он вскрикивает и просыпается, еще слыша свой крик.

Это ведь смерть, подумал он.

Спустя три дня Алексей встречал дочь в аэропорту. Жена была в квартире одна, но ее нынешнее состояние можно было назвать одним словом – беспамятство. Ему оставалось только сделать очередной укол морфина, вынести и ополоснуть судно да покормить ее двумя-тремя ложками геркулесовой каши в надежде, что на сей раз ее не вырвет...

Он не виделся с дочерью с тех самых пор, как она с мужем и годовалой дочкой покинули Россию, и теперь ему было особенно заметны разительные перемены в ней – из русской женщины она стала женщиной европейской. Такой у нее стал взгляд – независимый, свободный и одновременно благожелательный. Он возникает только в соответствующей среде. У нее появился неуловимый акцент от привычки говорить по-английски, даже не акцент, а иное интонирование речи. Пока они ехали до дому в такси, он, сидя с ней рядом на заднем сиденье и держа ее руку в своей, все ей рассказал, в том числе и про услуги экстрасенса, именно этим объяснив, почему он так долго держал дочь в неведении. Да, экстрасенс был последней надеждой, той самой соломинкой, за которую нельзя было не ухватиться... А так с тем, что навалилось, он справлялся и сам – не хотел больше никого нагружать. Счастье дочери, ее семьи ему дороже...

– Какое счастье, папа? Что ты говоришь? – отвечала дочь. Ее лицо было в слезах. – Ты сам себя видел? Ты себя загнал. Седой совсем... Не хватало, чтобы я обоих вас потеряла.

– Мамочка! Милая, бедная, родная! Мамочка! – зарыдала она, увидев то, к чему Алексей привык и что считал своей женой. Но от еще совсем недавно красивой женщины ничего не осталось – на кровати лежала желтая мумия с острым носом и провалившимися в глазницы глазами, которые открылись при звуке голоса дочери и, похоже, узнали ее. Щека ее задергалась, и иссохшая рука сделала попытку потянуться к дочери. Только в этот миг Алексей почувствовал, насколько он вымотан и опустошен.

На следующий день, передав в метро очередную корректуру редактору издательства, он не стал возвращаться домой, а позвонил своей тайной подруге и поехал к ней. Они давно не были близки, и прелесть женского здорового, тренированного фитнесом тела, охочего до ласк и любви, ошеломила его, как ошеломляет всякий прекрасный жизнеутверждающий акт. Он вернулся домой только под вечер, но дочь, поглощенная новыми заботами, ни о чем его не спросила, вроде даже не заметив его отсутствия.

Алексей был готов к тому, что погода в нем проснется чувство вины за это очередное – при недопустимых обстоятельствах – предательство, но ничего похожего на раскаяние он не испытал. Скорее наоборот – утвердился в том, что жизнь продолжается и в светлой своей части она по-прежнему прекрасна. Он даже попытался оправдаться перед собой за это маленькое исключение из общепринятых нравственно-моральных норм, сказав себе, что таким вот образом получил дополнительные душевные и физические силы для того, чтобы продолжать борьбу за жизнь жены.

Как она умерла, Алексей не видел – был в аптеке. А когда вернулся с двумя полиэтиленовыми сумками, полными подгузников, одноразовых простыней, салфеток и прокладок, а также бутылочек с хлоргексидином, которым он обрабатывал пролежни на теле жены, дочь молча бросилась ему на шею.

– Что? – прошептал он. – Все?

Вместо ответа дочь только сильнее прижалась к нему. Ее трясло. Затем она выпрямилась, пошла в ванную и включила воду. Алексей опустил на пол никому теперь не нужные сумки,

снял пальто, сменил туфли на домашние тапочки, причесался, при этом несколько раз пытливо глянув на себя в зеркало, словно ему предстояла важная аудиенция, и на цыпочках вошел в комнату, где лежала его умершая жена. Она была почти такой же, как в последние дни, только безучастное отсутствие, как бы блуждание по неведомой для живых вселенной, сменилось в ней теперь какой-то печалью и даже укоризной, запекшейся между красивых соболиных бровей. И глядя на нее, Алексей вдруг зарыдал в голос, по-детски, не стыдясь своих слез и не пытаясь остановить их, словно это был плач сердца, пытающегося осмыслить все то, что копилось в нем целых двадцать семь лет совместной жизни – плохое и хорошее, низкое и высокое, стыдное и достойное...

На его рыдания из ванной выбежала дочь и ничего не сказала, просто, стоя над ним, сидевшим на краю кровати, прижала его голову к своему телу, будто он был ее ребенком.

Врач «Скорой помощи» зарегистрировал факт остановки сердца с указанием часа и минут, названных дочерью. В тот же вечер сам позвонивший Темных сказал, что больная умерла позднее, во всяком случае, ее душа еще сорок минут не покидала тело – ждала, пока вернется Алексей.

– Простите, – сказал Темных. – Я делал все, что мог. На сей раз не получилось...

– Спасибо, что поддерживали нас все эти месяцы, – сказал Алексей.

На следующее утро, он, пересилив себя, сам позвонил Темных:

– Что же все-таки произошло? Почему? Ведь вы говорили, то есть вам обещали, что она будет жить...

– Да, она должна была выжить, – не сразу ответил Темных, – но изменился план. Кто-то из связанных с нею людей его нарушил. Это сказалось на ней самым негативным образом.

Кто был тем человеком, Алексей, конечно, понял, хотя бы по тому, как жаром обдало его лицо. Неужели тот его визит к подруге подорвал весь ход лечения? Чуть, ерунда! Его жена и так умирала – это было очевидно.

Это был их последний разговор, и услышанное то поднималось в Алексее чувством вины, то надолго угасало.

Упоминание об экстрасенсе Г. Т. Темных Алексей потом не раз встречал в Интернете – одни называли его шарлатаном, другие магом. Еще несколько раз в жизни у Алексея были моменты, когда он хотел позвонить Темных, но не позвонил.

Вскоре после похорон дочь улетела, убедившись, что с ее отцом все в порядке. Была идея полететь вместе, но этим надо было всерьез заниматься, к тому же Алексей не был готов к таким кардинальным переменам. Дочь ему помогала – этого было вполне достаточно. Вот когда он станет стар и немощен...

– Ну тебе до этого далеко, – убежденно сказала дочь, по привычке считавшая отца красивым и молодым, недаром в него в свое время влюблялись ее одноклассницы, а потом однокурсницы...

И тогда в порыве раскаяния Алексей признался, что всю жизнь был неверен жене и что теперь это висит на нем непростительным страшным грузом.

Однако его признания ничуть не удивили и не огорчили дочь – больше того, она дала ему понять, что каяться бессмысленно, поскольку неверны не только мужчины, но и большинство женщин...

«Ты хочешь сказать, что и мама?» – вдруг подумал, Алексей, но промолчал, а дочь, все поняв по его взгляду, сказала:

– Есть ситуации, когда, если не изменишь даже любимому человеку, перестанешь себя уважать.

– Ты хочешь сказать, что у тебя были такие ситуации? – смутился Алексей.

– Конечно, были, – усмехнулась дочь. – Что тут такого? Это нормально, папа, это жизнь. Это право на собственную свободу. Зачем клясться в верности, если природа устроила так, что человек не может быть телесно верен. Это что за верность такая? Верность чему? Своей косности? Своему ханжеству? Страху перед миром, перед его искусами?

– В Нагорной проповеди сказано, что человек совершает прегрешение даже в мыслях своих.

– Ну это уж дудки! – возразила дочь. – В мыслях человек должен быть свободен от любых препон, в том числе от моральных. Мораль – это для людского сообщества, чтобы там не перегрызли глотки друг другу, а личность должна развиваться, идти вперед, открывать в себе еще сокрытое... Личность антагонистична коллективу, и она его движет. Для этого она и берет на себя ответственность за других. А коллектив никогда ни за что не отвечает. Наш с тобой социализм рухнул именно тогда, когда число безответственных превысило допустимое для выживания социума значение.

– Но это философия оправдания человеческих слабостей... Ты хочешь меня оправдать, дочка?

– Ты уже оправдан, папа. Ты хороший отец, и ты был нормальным мужем. Уж поверь мне. Я в этом кое-что понимаю. А насчет мамы – не было у нее никого, кроме тебя...

И то, что у нее не было, а у него было, теперь представлялось ему ее моральной победой над ним.

Кстати, выяснилось, что дочь абсолютно не помнила тот единственный случай, когда при ней Алексей вышел из себя – в ответ на какие-то ничем не обоснованные придирки жены он в бешенстве схватил табуретку и запустил ею в стену, а семилетняя дочь закричала: «Папа, не бей маму!» От того удара в гипсокартоне стены еще лет десять, пока они не переклеили обои, оставалась внушительная вмятина.

17 часов 30 минут

Снова все распутов и наладив и покотив, на сей раз он остановился еще ближе к пристани – до нее оставалось метров триста, но его уже отнесло так далеко от его первой главной лыжни, что двигаться дальше не имело смысла. Снег был легкий, рассыпчатый, затупившиеся лыжи невозможно было закантовать в жестком насте, сопротивляться мощной тяге Алексей не мог – и его просто волокло поперек желаемого направления.

В общем, он решил, что с него на сегодня хватит, – осталось сложить кайт, смотать оснастку и пехом дойти до причальной стенки, а там подняться, переобуться и двинуть к берегу. Но оттуда доносился лай собак, и он вспомнил, что та территория охраняется. Не только собаками, но и людьми. Паспорта у него с собой не было, а разборок, порванных брюк и задержаний как-то не хотелось. Придется идти в обход. Это еще плюс километр. Сложенный кайт он запихнул в рюкзак. Снятые лыжи соединил прочной резинкой от эспандера. Посмотрел на часы – прошло сорок минут, а дочь не звонила. Он полез в накладной нагрудный карман куртки за телефоном – его там не было. Не было и во внутренних карманах куртки, и в карманах лыжных брюк...

Как же так? Уронил? Потерял? Однажды он уже терял на заливе мобильник и тоже из-за кайта. Он ощупал куртку, жестко перепоясанную трапецией, за крюк которой и цепляешь соединенные между собой стропы кайта – одними руками это чудовище не удержать. Телефон мог из кармана выпасть внутрь куртки, однако его там не было. Значит, он выпал наружу – Алексей ведь не раз наклонялся, возясь с кайтом, – мобильник мог запросто выскользнуть, если клапан кармана не был на липучке... Алексей подумал о всех занесенных в аппарат номерах, которые теперь утратит, а еще о том, во сколько обойдется новый телефон при нынешнем (он надеялся, что временном) безденежье. Не клянчить же постоянно деньги у дочери. Потому он решил вернуться обратно по следам к своей предыдущей остановке, где он и говорил по

мобильнику в последний раз. Видимо, там и выронил его, ковыряясь в купольной оснастке с ее чертовыми узелками...

Миновало года два, прежде чем Алексей пришел в себя и зажил прежней жизнью, разве что теперь без жены, добавив к своим старым два новых увлечения – кайтсерфинг и социальные сети Интернета. Вообще Интернет вдруг открылся для него совершенно с новой стороны, о которой он прежде и не подозревал, пользуясь им лишь как справочником и деловой почтой. Оказалось, что самое интересное там – это онлайнное межличностное общение. Он завел себе страничку в так называемом Живом Журнале – ЖЖ и по утрам и вечерам погружался в этот действительно живой мир, где можно было обмениваться мыслями и чувствами, причем без риска понести реальный урон за свою откровенность. Оскорбительный комментарий на какой-нибудь свой пост можно было легко удалить и в придачу «забанить» автора, то есть перекрыть ему доступ к своей странице. Он стал «постить» свои тексты – что-то вроде дневниковых наблюдений за быстротекущей жизнью, где лирические пассажи о собственном времяпровождении чередовались с размышлениями о литературе и искусстве и критикой власти, которую он не любил ни при СССР, ни теперь, даже более теперь, когда его социальный статус приблизился к нулю и сам он оказался не у дел.

И правда – что такое ныне корректор, когда в программе Ворд, которой пользовался и он для своих текстов, был заложен свой собственный корректор, отмечавший не только неправильные орфографию и пунктуацию, но даже корявый синтаксис. Хорошо хоть, что в русском языке для Ворда было предостаточно ловушек, перед которыми программа была бессильна, так что без реального корректора все равно было не обойтись. Но вот редактирование текстов – навык, которым он гордился, – вообще стало превращаться в анахронизм, поскольку, если судить по Интернету, количество пишущих выросло в геометрической прогрессии. Писательство на глазах переставало быть профессией избранных, привилегией, утверждаемой принятием в профессиональный творческий союз. Вместе со свободой слова пришло его абсолютно демократическое обесценивание – дескать, мели Емеля, твоя неделя... Однако нельзя было не заметить, что многие и многие весьма искусно управляют с современным языком, который ведь тоже за полтора десятка последних лет взорвался новыми словами и словечками – некоторые из них блестили, переливались, как жемчуг, добытый из неведомых прежде языковых глубин...

На этом фоне Алексей старался соответствовать негласным требованиям. Постепенно у него сложился собственный круг читателей и – что еще интересней – читательниц, с некоторыми из них он даже переходил на более продвинутую, почти интимную переписку по электронной почте, когда уровень доверительности уже не допускал общения в открытую. На всякий случай он выступал под «ником», и вместо своей фотографии («аватарки») у него стоял профиль Анубиса, древнеегипетского бога умерших. Так что в Интернете был и он, и одновременно не он, во всяком случае, не тот он, которого можно было бы легко раскусить.

Приятность виртуального общения в известной мере заменяла ему общение в реале, где у него оставалась подруга, ничего от него не требовавшая, несмотря на его вдовство, и охотно принимавшая у себя. Подруга была почти на двадцать лет моложе его, разведена, детей не имела и была совладелицей одного из городских салонов красоты, отчего и сама была всегда ухожена. Она отправлялась с Алексеем в постель в изысканном и редко повторяющемся наборе интимного туалета – лифчик, пояс, подвязки, кружевные полупрозрачные трусики, ажурные чулки... Постепенно освобождая от этих нарядных излишеств ее маленькое стройное душистое тело, он не на шутку возбуждался и к самому желанному моменту всегда был безотказно вооружен. Правда, для хозяйки комплектов дорогого нижнего белья его вооруженности было, как правило, недостаточно, поэтому на краю кровати всегда лежало несколько плеток и розог,

которыми надо было несильно, но чувствительно ее отстегать по мягкому месту. Чаще всего при этом он должен был играть роль барина, а она – простую дворовую девицу, которую тот якобы наказывал за провинность – то ли за разбитую крынку молока, то ли просто впрок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.